

Қазақстан Республикасы
Ғылым және жоғары білім министрлігі

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты

ОТАН ТАРИХЫ

2026. Т. 29 (2)

ISSN 1814-6961
E-ISSN 2788-9718

ОТАН ТАРИХЫ

2026. Т.29 (2)

- ТАРИХ
- ЭТНОЛОГИЯ
- АРХЕОЛОГИЯ

ISSN: 1814-6961 (print)
ISSN: 2788-9718 (online)

Отан тарихы
Отечественная история
History of the Homeland

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2026. Т. 29 (2)

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhyy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 2. Pp. 473–487
Journal homepage:
<https://otan.history.iie.kz>

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.81.51; 03.20.00
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_2_473-487

«ЖЕЛЕЗНАЯ ПАМЯТЬ» ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ»: КАЗАХСКИЕ НАДГРОБИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ КАК МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Бахтияр Мираимович Бабаджанов^{1,2}, Айтжан Шаймерденовна Нурманова³

¹ Национальный центр археологии АН РУз (г. Ташкент, Узбекистан)
доктор исторических наук, профессор

² Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова Комитета науки МНВО РК (г. Алматы, Казахстан)
приглашенный специалист в должности главного научного сотрудника
<https://doi.org/0009-0001-6718-9819>. E-mail: bbmir58@gmail.com

³ Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова Комитета науки МНВО РК (г. Алматы, Казахстан)
кандидат исторических наук, главный научный сотрудник
<https://doi.org/0000-0002-2470-6484>. E-mail: aitzhan.nurmanova@gmail.com

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Бабаджанов Б.М., Нурманова А.Ш., 2026

Аннотация. *Введение:* Более полувека назад, в разгар «холодной войны» определение «железный занавес» (введенное еще У. Черчиллем) воспринималось как нерушимый символ политической, идеологической и ментальной границы между бывшим СССР и Западом. Понятие «железного занавеса» не ограничивалось внешним миром. Идеологическая задача-максимум состояла в возведении такого же занавеса между исторической памятью народов и советской действительностью, как части стратегии создания «нового человека», с новой же идентичностью и идеологией. Однако исторические социо-коды народов, вовлеченных в строительство «нового общества», оказались сильнее и иногда воплощались в верности традиционным формам символического капитала и ритуалов (особенно в момент погребальных тризн и установки памятных знаков умершим). *Цель и задачи:* анализ артефактов с их красноречивыми текстами, особенно тех, в которых в той или иной мере сохранялись былые формы религиозной и родовых традиций. Такие исследования важны в контексте исследования культурной и родовой самоидентичности социума и с точки зрения символических выражений социальной памяти. *Материалы и методы.* В статье представлены визуальные описания и тексты железных и железобетонных надгробий некрополя *Караоткель* (Астана), зафиксированные во время полевых исследований. Мы рассматриваем их как символические и категорические ответы социума на советскую модернизацию, как индикаторы памяти и культурных кодов общества. Этот материал уникален, особенно его тексты (эпитафии), которые свидетельствуют о сохраненной и продолженной традиции в далеко неблагоприятных условиях, о верности связям поколений, приверженности к родовым цепочкам и религиозным парадигмам. Мы опирались на теоретические работы, содержащие анализ герменевтики социальной

(коллективной) памяти. Активно использовались методы визуального, текстологического и исторического сравнения. *Результаты.* Возведение памятников предкам не сиюминутный вклад семьи и родственников ради одного усопшего. Надмогильная стела (*кулпытас*) стала частью ритуала циклических поминовений, визуальным символом укрепления внутриродовой социальной связи казахов и приверженности их к своим традициям, независимо от катаклизмов и меняющихся условий эпох. *Заключение.* Таким образом, надмогильные стелы (*кулпытас*) в советское время в целом сохраняли свой старый облик, общую структуру текста эпитафий, родовые маркеры и др., оставаясь визуальными символами давних казахских традиций. Их визуальная и смысловая эволюция зависели от новых образовательных форматов, влияния последствий советского типа модернизации, социальных перемен.

Ключевые слова: некрополь Караоткел, железные кулпытасы, эпитафии, советская эпоха, социальная память.

Благодарность. Статья выполнена в рамках проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан по теме «Значение памятников культуры в изучении интеллектуальной истории (на материале эпиграфических материалов некрополей Акмолинской области)» (ИРН: AP26198545).

Для цитирования: Бабаджанов Б.М., Нурманова А.Ш. «Железная память» за «железным занавесом»: казахские надгробия советского времени как маркеры социальной памяти // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 2. С. 473–487. [на русском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_473-487

«ТЕМІР ЖАБЫН» АСТЫНДА ЖОЙЫЛМАҒАН «ТЕМІР ЖАД»: КЕҢЕС ДӘУІРІНДЕГІ ҚАЗАҚ ҚҰЛПЫТАСТАРЫ ӘЛЕУМЕТТІК ЖАДТЫҢ КӨРСЕТКІШІ РЕТІНДЕ

Бахтияр Мираимович Бабаджанов^{1,2}, Айтжан Шаймерденовна Нұрманова³

¹Өзбекстан Республикасы ҒА Ұлттық археология орталығы (Ташкент, Өзбекстан) тарих ғылымдарының докторы, профессор

²ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты (Алматы қ., Қазақстан) бас ғылыми қызметкер лауазымына шақырылған маман
<https://doi.org/0009-0001-6718-9819>. E-mail: bbmir58@gmail.com

³ ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты бас ғылыми қызметкері
<https://doi.org/0000-0002-2470-6484>. E-mail: aitzhan.nurmanova@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ГЭИ, 2026

© Бабаджанов Б.М., Нұрманова А.Ш., 2026

Аңдатпа. *Kіріспе.* Жарты ғасырдай уақыт бұрын, қырғи қабақ соғыстың шарықтау шегінде, «Темір перде» термині (алғаш Уинстон Черчилль пайдаланған) бұрынғы КСРО мен Батыс елдері арасындағы саяси, идеологиялық және ақыл-ой шекарасының мызғымас символы ретінде қабылданды. «Темір перде» ұғымы тек сыртқы әлеммен шектелмеді. Кеңестік идеологияның түп-мақсаты өзіндік жаңа таным мен жаңа идеологияны қабылдаған «жаңа адамды» тәрбиелеу стратегиясының бір бөлігі ретінде, халықтардың тарихи жады мен кеңестік шындық арасына да осындай перде орнату болды. Дегенмен, «жаңа қоғам» құруға күштеп қатыстырылған халықтардың тарихи әлеуметтік кодтары күштірек болып, ол дәстүрлі символикалық капитал мен рәсімдерді сақтап қалуда көрініс тапты (әсіресе жерлеу рәсімдері мен қайтыс болғандарға ескерткіштер орнату дәстүрінде). *Мақсаты мен міндеттері.* Діни және ұлттық жадтың дәстүрлі көріністерін әртүрлі дәрежеде сақтаған мәтіндері бар артефактілерді талдау. Мұндай зерттеулер қоғамның мәдени және ұлттық өзіндік ерекшелігін зерттеу тұрғысынан және әлеуметтік жадтың символикалық көріністері тұрғысынан маңызды. *Материалдар мен әдістер.* Осы мақалада зерделенетін далалық жұмыстар кезінде жинақталған Қараоткел қорымының темір және темірбетон құлпытастары өзінің тарихи жады мен мәдени кодтарын

табандылықпен сақтаған қоғамның кеңестік саясатқа қарсы қойған символикалық және тайсалмас жауабы болуы мүмкін. Бұл материал, әсіресе оның мәтіндері (эпитафиялары) ерекше, олар дәстүрдің қолайлы жағдайларда сақталуы мен жалғасуын, ұрпақтар арасындағы байланыстарға адалдықты, отбасылық шежіре мен діни парадигмаларды ұстанудың куәсі іспетті. Біз әлеуметтік (ұжымдық) жадтың герменевтикасын талдайтын К. Шмид, Дж. Ассам, П. Нор және басқалардың теориялық жұмыстарына сүйендік. *Нәтижелер.* Әулет мүшесіне ескерткіш орнату отбасы мен туыстардың қайтыс болған адам үшін жасайтын тек бір реттік парызы емес деген пікір расталып отыр. Құлпытас циклдік еске алу рәсімінің бір бөлігіне айналып, қазақ халқының рушілік әлеуметтік байланысының нығаюының және дәуірдің өзгермелі жағдайларына қарамастан, дәстүрге беріктігінің көрнекті белгісі болып қалды. *Қорытынды.* Құлпытастар байырғы қазақ дәстүрінің көрнекті символы болып қала отырып, кеңес уақытында да негізінен өзінің дәстүрлі қалпын, эпитафия мәтінінің жалпы құрылымын, рулық белгілерін және т.б. сақтап қалды. Олардың көрнекілік және мағыналық эволюциясы жаңа білім беру форматы мен кеңестік модернизация, әлеуметтік өзгерістер салдарына тәуелді болды.

Кілт сөздер: Қараөткел қорымы, темір құлпытастар, эпитафиялар, кеңес дәуірі, әлеуметтік жад.

Алғыс айту. Бұл мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Зияткерлік тарихты зерттеудегі мәдени ескерткіштердің маңызы (Ақмола өңірі қорымдарындағы эпиграфика материалдары негізінде)» (IRN: AP26198545) тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасы аясында дайындалды.

Дәйексөз үшін: Бабажанов Б.М., Нұрманова А.Ш. «Темір жабын» астында жойылмаған «темір жад»: кеңес дәуіріндегі қазақ құлпытастары әлеуметтік жадтың көрсеткіші ретінде // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 2.. 473–487-бб. [орыс тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_473-487

«IRON MEMORY» BEHIND THE «IRON CURTAIN»: KAZAKH GRAVESTONES OF THE SOVIET ERA AS MARKERS OF SOCIAL MEMORY

Bakhtiyar Babadjanov^{1,2}, Aitzhan Nurmanova³

¹National Center for Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
(Tashkent, Uzbekistan)
Doctor of Historical Sciences, Professor

² R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)
visiting Chief Researcher
<https://doi.org/0009-0001-6718-9819>. E-mail: bbmir58@gmail.com

³ R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher
<https://doi.org/0000-0002-2470-6484>. E-mail: aitzhan.nurmanova@gmail.com

© Valikhanov IHE, 2026

© Babadjanov B., Nurmanova A., 2026

Abstract. Introduction. More than half a century ago, at the height of the Cold War, the term "Iron Curtain" (coined by Winston Churchill) was perceived as an inviolable symbol of the political, ideological, and mental boundary between the former USSR and the West. The concept of the "Iron Curtain" was not limited to the outside world. The ideological goal was to erect a similar curtain between the historical memory of peoples and Soviet reality, as part of a strategy to create a "new man," with a new identity and ideology. However, the historical socio-codes of the peoples involved in the construction of the "new society" proved stronger and were sometimes embodied in fidelity to traditional forms of symbolic capital and rituals (especially during funeral feasts and the installation of memorials to the deceased). Objective and tasks: to analyze artifacts with their eloquent texts, especially those that, to one degree or another, preserved past forms of religious and tribal traditions. Such studies are important in the context of investigating the cultural

and ancestral self-identity of society and from the perspective of symbolic expressions of social memory. *Materials and Methods.* This article presents visual descriptions and texts of iron and reinforced concrete tombstones at the Karaotkel necropolis (Astana), recorded during fieldwork. We consider them as symbolic and categorical responses of society to Soviet modernization, as indicators of memory and cultural codes of society. This material is unique, especially its texts (epitaphs), which testify to the preservation and continuation of tradition in far from favorable conditions, fidelity to intergenerational ties, adherence to family chains and religious paradigms. We drew on theoretical works analyzing the hermeneutics of social (collective) memory. We actively used methods of visual, textual, and historical comparison. Results: The construction of monuments to ancestors is not a momentary contribution by family and relatives for the sake of a single deceased person. The gravestone stele (qulpytas) became part of the ritual of cyclical commemorations, a visual symbol of the strengthening of the Kazakh people's intra-clan social bond and their commitment to their traditions, regardless of cataclysms and the changing conditions of the era. *Conclusion.* Thus, during the Soviet era, gravestone steles (qulpytas) generally retained their original appearance, the general structure of the epitaph text, family markers, and other features, remaining visual symbols of long-standing Kazakh traditions. Their visual and semantic evolution depended on new educational formats, the impact of Soviet-style modernization, and social change.

Keywords: Qaraotkel Necropolis, iron qulpytases, epitaphs, Soviet era, social memory.

Acknowledgements. The article was carried out within the framework of the project of program-targeted financing of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan on the topic «The Importance of Cultural Monuments in the Study of Intellectual History (Based on the Materials of the Aqmola Region Necropolises Epigraphy)» (IRN: AP26198545)

For citation: Babadjanov B., Nurmanova A. «Iron Memory» behind the «Iron Curtain». Kazakh Gravestones of the Soviet Era as Markers of Social Memory // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. No. 2. Pp. 473–487. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_473-487

Введение. Много лет исследуя памятники старинных некрополей Центральной Азии, в первую очередь их надписи (эпиграфику), мы интересовались преимущественно самыми старыми зданиями, надгробиями и особенно их надписями. Вольно или невольно мы следовали давней инерции востоковедческой или археолого-архитектурных школ, подходы которых основаны на особом внимании к наиболее древним материальным и письменным артефактам. С какого-то времени пришло осознание, что любое кладбище не может делиться на «древнюю» и «не древнюю» части, тем более, когда сакральность этого места освящена особо почитаемой могилой или мавзолеем (*мазар, аулие*) какой-нибудь известной персоны (ряда персон), чаще всего из религиозного сословия, а почитание к святыне имеет долгую и почти непрерывную историю, в том числе выраженную в до сих пор плохо исследованном стремлении людей быть погребенными подле святого. Иными словами, с точки зрения социальной антропологии, историю и эволюцию любого сакрального места следует рассматривать как неделимое пространство («царство мертвых»), которое аккумулировало в себе и сохраняет до сих пор все важные контексты социальной памяти для тех, чьи предки покоятся в этом пространстве, которое, как оказалось, не свободно от веяний и исторических катаклизмов бурных эпох.

Мы вновь убедились в перспективности такого подхода в октябре 2025 года, когда члены экспедиции по исследованию эпиграфики некрополя *Караоткел*², помимо других находок, обнаружили более трех сотен надмогильных стел советского времени, изготовленных из обычных для того времени бетонных плит, а также из цельных пластин в виде металлических стел. Перед нами предстала не просто «железобетонная память» (в буквальном смысле), имея в виду материалы, из которых изготавливались надгробия. Частью потемневшие и частью хорошо ухоженные стелы символизируют много больше, чем обычное желание людей сохранить память о своем родовом происхождении или исламском прошлом.

В ходе исследований мы установили, что надгробия советского времени на подобных некрополях до сих пор изучены крайне поверхностно. В первую очередь это касается тех стел, которые сохраняли преемственность с прежней традицией во внешней форме, в культуре их декоративного оформления, содержания, шрифтов и структуры эпитафий и т.п. Между тем, такая

² Работа проводилась в рамках упомянутого проекта: «Значение памятников культуры в изучении интеллектуальной истории (на материале эпиграфических материалов некрополей Акмолинской области)».

перспектива анализа весьма актуальна, так как дает возможность оценить (с точки зрения социальной антропологии) глубинные причины приверженности своим культурным кодам в некоторых (повидимому, значительных) сегментах казахского общества советского времени, несмотря на тотальное вторжение новых политических, идеологических и образовательных инноваций, которые могли лишь усложнить форматы идентичности, оставляя неизблемыми приверженность к социальной (родовой, семейной) форме внутренних связей.

Эти обстоятельства определили цель и задачи статьи. Мы постараемся оценить презентуемую здесь часть надгробий советского времени и особенно эпитафий в качестве носителей исторической и социальной памяти, выраженной как в традиционном облике надгробий с символической геральдикой, так и в структуре текстов, их содержании и в тех смыслах, какие в них заключены. Одновременно мы попытаемся выяснить – в какой мере тексты эпитафий отражают традиции и перемены, навешанные новыми культурными кодами (как следствие образовательных традиций и модернизации советского типа), как они отразились на орфографии и фонетике и языке текста.

Исходя из сказанного, в этой статье мы ограничимся описанием и анализом лишь части надгробий советского времени, которые, на наш взгляд, являются самыми показательными в контексте оценки форм сохраненной идентичности, выраженной в верности погребальной традиции предков в некоторых сегментах казахского общества.

Материалы и методы. Основным материалом (объектом) нашего исследования стали надгробные стелы советского времени на некрополе Караоткель, изготовленные из металла и железобетона, с эпитафиями в арабской графике и украшенные декором и тамгами. Мы пользовались обычными для такого рода исследований инструментарием и способами фиксации материала: оценка локальной топографии, материалов надгробий, перепиской текстов на месте (с чтением спорных и частично утраченных текстов), фотофиксации с боковым свечением и т.п.

Что касается методики исследований в теоретических осмыслениях, мы апеллировали к комплексным методам анализа нашего материала. В частности, имея в виду, что для обществ, в которых сильны родовые сети и культ предков, кладбища и фамильные могильники были и остаются сакральными пространствами, формирующими не только социальную память (в узкогрупповом и в более глобальном ее проявлении), но и модели циклических ритуалов (вроде *зийарат* или *тәу ету/таваф*, *ата-бабаға дұға қылу* и др.)³. Тем более, если они связаны со святынями религиозных или племенных авторитетов [Муминов, 2018; Ohayon, 2020].

Поэтому для нас важны не просто сакральный или глобально исторический контексты истории святынь (*мазаров*) и их некрополей, например в контексте макро-исторических подходов к исследованию мест памяти у Пьера Нора [Головашина, 2022: 18–38.]. Некрополи наполнены другим видом источника, который не всегда заметен для исследователей – надгробными сооружениями и стелами, исследование которых всегда становятся своеобразным мостиком между макро- и микро-историческими подходами, как разными, но не разделенными методами исторического исследования. Собственно надгробия на любом кладбище уместно воспринимать как материальную или визуализированную часть сложного и многомерного ритуала памяти не только тех, кто под ними лежат, а тех, кто их установил и для которых это неделимая часть их памяти. Одновременно надгробия – это не только память об ушедших. Они престают перед живыми, к которым адресованы их эпитафии. Следовательно мы можем говорить о прямой коммуникативной функции надгробных стел и их текстов. В этом смысле очень удачным для наших исследований представляется наблюдение Карла Шмида и Яна Ассмана, которые подчеркивали социальную и коммуникативную функции памяти, духовно связывающей общность между живыми и мертвыми (а значит – между прошлым и настоящим), поддерживающим их единую культуру, традиции и верования, на основе регулярного повторения традиционных ритуалов почитания предков [Schmid, 1985: 7-10; Assmann, 2000: 56-60]. Мы так же исходим из того, что социальная память в обществах с сильными родовыми связями поддерживается в разных формах коммуникативных связей, которые могут возникнуть как

³ За многие годы изучения казахских некрополей, мы заметили, что «дух предков» воспринимается посетителями (*зийратшы*) как важное подспорье в жизненных делах и неприятных обстоятельствах (болезни, семейные неурядицы и т.п.). Многие приходят с конкретными целями, например, найти могилы своих родственников и просили нас помочь отыскать их по эпитафиям. Состав посетителей разный – это старики, люди среднего возраста с детьми, студенты и др.

во время спонтанных акций (во время похорон, подготовки и установки надгробий), либо как часть циклического ритуала (во время посещения могил предков).

Обсуждение. Исследование некрополей Казахстана имеет солидный бэкграунд. Еще в начале 1950-х годов известный казахский историк архитектуры академик М.М. Мендикулов к своим исследованиям результаты интервью с мастерами-камнетесами и зодчими, которые работали в советское время. Исследователю также удалось реконструировать технологии добычи и обработки камня для строительства, описать инструменты мастеров. Одновременно он привел фрагменты интервью с мастерами, их фотографии [Мендикулов 1956: 8–9; он же 1987: 72, 74, 78, 85, 87–88, 91, 150–151]. Железные и железобетонные надгробия он не исследовал.

Самым плодотворным исследователем библиографии, архитектуры и археологии святых мест Казахстана по праву считается профессор С. Аджигали(ев) [Аджигали 1994, он же 2002; он же 2014]. Ряд высказанных исследователем идей вполне уместны (например, по артелям мастеров, постепенной трансформации форм стел) [Аджигали 2002]. Однако о железных и железобетонных надгробиях исследователь не упоминал.

К близким для нас идеям обращалась Г. Орынбаева, опубликовавшая на страницах «Отан тарихы» интересный анализ становления и эволюции предмета этнографии казахов в рамках прежних и современных исследований. Для нас особенно важны наблюдения и выводы исследовательницы, касающиеся прямого влияния на восприятие «этнографии казахов» как сложного выбора между «социальным» и «этническим» подходами и особенно как «инструмента борьбы с пережитками – то есть с нежелательными национальными традициями и обычаями», в контексте культурных и идеологических вторжений [Орынбаева, 2025: 735, 737–738].

Некрополь стал объектом внимания нескольких экспедиций. Участница одной из них Г. Карбаева представила статью о кладбище Караоткель [Karbayeva:141–154]. Статья содержит подробное описание кладбища, другие наблюдения автора. Важно, что автор предложила свою классификацию надгробий советского времени некрополя *Караоткель*. В частности, выделены надгробия, эпитафии которых написаны в кириллице (на казахском, и очень редко на русском), а с 1980-х годов отмечались фотографиями усопших. Судя по описаниям, исследовательница отметила разницу между намогильными стелами исключительно советского стиля (прямоугольные или квадратные с простым текстом, однако с упоминанием рода и имени родителей) и теми, которые сохранили форму, а также арабский шрифт. Исследовательница упустила из внимания, что именно в арабграфических стелах почти без изменения сохранились и форма надгробий, дизайн, структура эпитафий (религиозными формулами, с упоминание рода, предков, персоны, установившей надгробие и т.п.), родовых тамг и традиционного декора. Кроме того, публикация осталась проблемной в плане теоретического осмысления, а значение памятника описано в стиле далеком от академических форм анализа.

Караоткел изучался в археологическом и топографическом отношении «Археологической экспертизой», члены которой выявили более 10 000 захоронений (без подробной фиксации), предложили их классификацию, присвоили инвентарные номера и нанесли на карту 2168 памятников [Кошман, Хабдулина, Дукомбайев, 2022: 76-95]. Однако, в силу отсутствия специалистов, экспедиция не изучала арабграфические эпитафии, и ограничилась упоминаниями о некоторых персонах советского времени с эпитафиями на кириллице. Часть собранного материала стало предметом общего обзора в статье коллектива авторов [Karbayeva:141–154]. Статья содержит лишь общую информацию о кладбище, его «секциях» и некоторые сведения об облике надгробных стел советской эпохи (без подробностей). Результатов подробных описаний и изучений эпитафий, или систематизацией надгробий и т.п. важные исследования в статье не обнаружены. В заключении авторы ограничились лишь общими словами о «важности изучения сакрального объекта» без привязки своих заключений конкретно к погребенным персонам и группам, к их родословным и без обращения к очевидному религиозному контексту некоторых текстов советского времени [Karbayeva: 89–90].

Наше изучение некрополя (в рамках упомянутого проекта) более фундаментально, в частности, включает в себя исследование надгробий и особенно их эпиграфику. В этой статье мы ограничимся описанием и анализом лишь части надгробий советского времени, которые, на наш взгляд, являются самыми показательными в контексте оценки форм сохраненной идентичности, выраженной в верности погребальной традиции предков. Это проявилось не только в использованном для их изготовления материалах (металл и бетонные стелы), но в формах, символической декорации

(мусульманской и советской геральдикой одновременно). Особая их значимость также в эпитафиях в арабской графике, которые следовали старым клише в содержании (несмотря на ошибки в текстах), которое мы видим на надгробных стелах XVII – начала XX веков. Другими словами, стилистические лекала и построение текста оказались как будто «замороженными» и буквально оторванными от бушующих за пределами кладбища идеологических экспериментов, политических кампаний и модернизаций той эпохи, сохраняя родовую и религиозную (исламскую) традиции.

Результаты. В рамках упомянутого проекта членами экспедиции были осуществлены полевые работы на некрополе «*Караоткел*», расположенном в старом центре города Астаны. По данным предварительного исследования его эпиграфики. Ясно выделяется старинная часть некрополя (слева от сторожки смотрителя, северо-западный угол некрополя), где похоронены купцы с нисбами (т.е. частью имен по происхождению) из других городов. Это бухарцы, ташкентцы, наманганцы, кокандцы, атбасарцы, каркаралинцы и другие. За ними представители политической и судебной элиты (султаны, бии), выходцы из зажиточных сословий (баи, торговцы и др.). В самом центре расположены захоронения духовных лиц: имамов, мулл, ходжей и др. В самой старой части некрополя (средняя часть северной границы некрополя) зафиксированы самые старые захоронения. Справа от сторожки (к югу) расположены захоронения начала XX в, к которым (с юга) примыкают захоронения раннего советского времени. Дальний, северо-восточный угол некрополя – захоронения чеченской диаспоры, из депортированных в 1944 г. Здесь установлены надгробия в «классическом, кавказском» стиле в виде стел с округлыми навершиями с весьма профессионально исполненными надписями. Надгробные плиты более позднего советского периода зафиксированы за рвом (на южной границе некрополя), разделяющем некрополь. Недалеко были расположены православное и еврейское кладбища, которые в конце 1980-х были снесены и на их месте были построены жилые дома.

В ходе полевых работ были выявлены достаточно старые надгробные стелы (каменные, гранитные, из песчаника, ракушечника и т.п.), так и памятники советского периода, в том числе изготовленные из металла и из бетона. Судя по датам в эпитафиях, бетонные стелы появляются с 1930-х годов. Цельнометаллические стелы или в виде металлических же листов (плит) с «наваренными» на лицевой стороне текстами и декором появляются примерно с начала 1950-х годов. Эта традиция сохранялась почти до начала 1980-х годов, несмотря на то что некрополь был официально закрыт для захоронений в 1962 году. Металлические стелы изготовлены в полном подражании формам традиционных кулпытасов, а их эпитафии написаны арабской графикой. Текст забран в прямоугольные картуши (строки). Эти обстоятельства, по сути, сближают старые и новые традиции при почти полном сохранении былых способов компоновки текстов, что отражало известную консервативность культурных кодов, «визуальной памяти» и традиций в среде отдельных казахских родов.

Эти металлические стелы и прямоугольные плиты по технологии изготовления можно разделить на две группы. Первая группа изготовлена в виде вырезанных листов металла, на которые надписи и декор наносятся с помощью дуговой сварки электродами (рис. 1).

Затем надписи и декор обрабатываются шлифовкой. Шрифт надписей смешанный – арабский и кириллица. По информации журналиста и краеведа (фиксирующего эпиграфику некрополей) Казыбек Куттымуратулы, железные плиты и стелы этого типа известны в Базаршоланском районе Западно-Казахстанской области⁴. Они были изготовлены сварщиком Суйен Аксаловым, ныне здравствующим (ему около 80 лет).

Вторая группа (более редкая) изготовлена в виде литых листов (до 3 см толщиной) с оттисками эпитафий и декора (рис. 2, 3, 4). Здесь шрифт в основном арабский. Помимо того, что это штучные изделия, их производство технологически процесс весьма сложный, так как требует первоначального изготовления матрицы (видимо деревянной), затем его зеркального оттиска, который используется в исходной литейной форме, чтобы в итоге получить точную копию матрицы. Причем изготовитель должен понимать арабский шрифт, чтобы в ходе изготовления литейных форм не получилось

⁴ На других некрополях Западного Казахстана, где надгробные памятники в основном изготовлены из ракушечника, также встречаются металлические памятники в форме прямоугольных плит, либо (очень редко в форме кулпытаса). На них эпитафии нанесены в кириллице. По сообщению к.и.н. Исмурина Жанибека, его деду «дядя заказал памятник в 1979 году в Атырау из дюралюминия, потому что они намного долговечнее цементных».

зеркального изображения. Учитывая условия эпохи (с крайне подозрительным отношением к арабскому шрифту – как символу религиозности), процесс изготовления этих стел должен был быть скрытым и сопровождаться серьезными мерами предосторожности. Тем более, изготовление таких изделий в провинциальном городе (каким был тогда Целиноград – нынешняя Астана) мог сопровождаться определенными рисками. Кроме того, изготовление металлических надгробий очевидно было очень дорогостоящим делом. Иными словами, надгробные стелы в определенной степени оставались маркерами социального положения семей погребенных.

Рис. 1. Фото Б.Д. Дюсенова. Некрополь Караоткел, г. Астана. Экспедиция 2025 г.

По формам и оформлению внешнего облика предварительно можно говорить о нескольких мастерах, изготовлявших металлические памятники. Основные признаки «угадывания» – это повторяющиеся формы, почерки и стиль эпитафий. Размеры названных памятников колеблются от 80 см до 1 метра в высоту, 30-35 см. в ширину, от 1 и до 3 см в толщину. Приведем для примера оригинальные тексты и комментированные переводы нескольких таких стел и плит с анализом их содержания.

Рис. 2. Инвентарный № 277. Высота 77 см, ширина 36 см, толщина 2,5 см.

Цельнометаллическая, литая. Памятник поставлен двум детям. Судя по первоначальному тексту, стела изготовлена в 1950 году для умершего 13-летнего Тулепа Ситдыкулы. Год спустя, в 1951 году, в нижних (пустых) строчках белой краской было дописана вторая эпитафия с именем годовалого Абдурахима Арибулы. На лицевой поверхности навершия рельеф полумесяца и пятиконечной звезды, обрамленные декоративными пальметтами. Здесь же белой краской написано арабское слово «الفراق» (разлука, расставание)⁵. Стиль орфографии смешанный. То есть с использованием как традиционных, так и новых видов алфавита (введенного в начале 1920-х и сохранявшийся до конца 1920-х).

Другая особенность этой и других подобных текстов в том, что традиционные арабские фразеологизмы написаны в фонетических формах, которые закрепились в старинных эпитафиях на казахском языке. Ниже мы сохраняем их написание и казахскую транслитерацию, сопровождая эти фразы комментариями, в которых указаны исходные формы арабских оригиналов.

Текст:

جيل 17- // په برالدا 13 // جاستا توله ب // سى تد بيق ولى // دار يل پانادان // دار يل باقاعا // راقلاذ ايلادى // 1950 الفيراق //
لدى روى ته مه ش // ولى 1 جاستا وفات بو // 1951 جل 15 په بر // الدا عابد وراحيم ارب

Транслитерация: Ал-Фирак. 1950 жыл 17-побралда^A 13 жаста Тулеб Ситдык улы дар-ил-панадан дар-ил-бақага рақлад^B айлади // 1951 жыл 15 побралда Абдурахим^C Ариб улы 1 жаста уфат булды. Руы Темеш^D.

Комментарии: А). Фонетическая форма слова «Февраль»; В). Корректная грамматическая форма фразы: «دار الفناء دين دارالبقاء غه رخله ايلدى»; С). Корректная форма написания имени: «عبد الرحيم»; D). Темеш – колено рода Куандык племени Аргын.

Перевод: 17-го февраля 1950 года Тулеб сын Ситдыка в 13 лет переселился из мира тленного в мир вечности // 15 февраля 1951 года Абдурахим сын Ариба умер в возрасте одного года.

Рисунок 3. Инвентарный № 127. 89x30,5x3 см. Цельнометаллическая, литая. Шарообразное навершие памятника украшено полумесяцем и пальметтой.

Рис. 3. Фото Б.Д. Дюсенова. Некрополь Караоткел, г. Астана. Экспедиция 2025 г.

В тексте эпитафии отмечены ошибки в написании арабских слов, которые идентичны тексту предыдущего памятника.

⁵ После буквы «фа» добавлена лишняя «йай».

Текст:

جل 1953 // بيبه عايشا // ه سه نبای // قزی 16-جاستا // دار یل پانادان // دار یل باقاغا // راقلاذ ایلادی // اللار ارقامات // انلاسن // وروی - ته مه ش

Транслитерация: 1953 жыл Бибиғайша Есенбай қызы 61-жаста дар-ил-панадан дар-ил-бақаға рақлад айлади. Алла рақмат анласын. Руы Темеш.

Перевод: В 1953 году Биби-Айиша дочь Эсенбая в возрасте 61 год переселилась из мира тленного в мир вечности. Да смилуется над ней Аллах! (Она) из колена Темеш (рода Куандык).

Рис. 4. Фото Б.Д. Дюсенова. Некрополь Караоткел, г. Астана. Экспедиция 2025 г.

Рисунок 4. Инвентарный № 278. 87x37x2,5 см. Техника изготовления несколько отличается от предыдущих стел. Здесь на литую металлическую основу памятника путем анодной сварки нанесена надпись (видимо по прочерченному тексту). По форме и почерку графики видно, что памятник сделан другим мастером.

Текст:

13 - سه نتاير // سابيت شو تتی // ولی // 17 یاشندا // قایتس بولدی // اللار ارقامات // ایلاسن // امین // وروی // 1957 // باباتار ته مه ش

Транслитерация: 1957 жыл 13 сентабр Сабит Шотты ұлы 17 йашинда қайтыс болды. Алла рақмат айласин. Амин. Ұруы Байатар Темеш.

Перевод: 13 сентября 1957 года в 17 лет умер Сабит сын Шотты. Да помилует его Аллах! (Он) из колена Байатар Темеш.

Что касается группы стел, изготовленных из бетона, они, скорее всего, изготавливались в помещении (цеху?) при кладбище. Главная их особенность состоит в том, что их форма сохраняла традиционный абрис прежних кулпытасов с округлым или заостренным навершием. Однако эти стелы, в той или иной мере сохраняя традиционный вид, являли собой влияние культурных перемен той эпохи, что выразилось в особенностях их эпитафий, которые нередко сочетали арабицу и кириллицу, а иногда полностью писались в кириллице. Приведем два-три характерных примера эпитафий этих надгробий.

Рис. 5. Фото Б.Д. Дюсенова. Некрополь Караоткел, г. Астана. Экспедиция 2025 г.

Рисунок 5. Инв. №53 Размеры: 122x32x10 см. Наверху округлое с узором (значительная часть утрачена). Памятник из бетона, изготовлен в 1931 году. Эпитафия процарапана на лицевой стороне, в арабской графике. В тексте встречаются ошибки и фонетические искажения.

Текст:

رووی قانجعالی تو // مان قاسن بالاسی الی // اوغلی ... جاسدی // ۱۹۳۱ سانا قایتس ب // ولدی الله تعالی // رحمت ایلاسн // مباى
ایدی امین یا رب // العالمین // یا واقفا بقبر... // یغان شاریب توقو //

Транслитерация: Руы Қанжығалы Тұман Қасен баласы Али ұғлы ... жасында 1931 сана қайтыс болды. Алла Тағала рахмат айласин иди. Амин. Йа Рабб ал-‘Аламин ... Йа уақафа би-қабри ... [қу]йған Шариб Түкүмбай.

Перевод: (Происходит) из рода Канжыгалы, Туман сын Касена сына Али ... Умер в 1931 году. Да помилует его Всевышний Аллах! Аминь! О Господь двух миров! О, пожертвовавший (средства) на могилу ... Установил (кулпытас) Шариф Тукумбай.

Рис. 6. Фото Б.Д. Дюсенова. Некрополь Караоткел, г. Астана. Экспедиция 2025 г.

Рисунок 6. Инв. № 32. Размеры: 143x31,5x10 см. Памятник из цемента, основная эпитафия на арабской графике, внизу только имя, возраст и год смерти покойного продублирован на кириллице.

Текст:

الفيراق // 1950 جلى // 3 نچى مارتده // قايتس بولدى // شاحا بلاسى // ومار 49 جاسندا // روى تيمه ش // دارالفانيدان // امين
دارالباقيفا // كوشتى الله // راحت ايلاسن // امين

Шаха баласы Омар 49 жасында қайтыс 1950...

Транслитерация: Ал-Фирақ. 1950 жылы 3-нші мартда қайтыс болды Шаха баласы Умар 49 жасында. Руы Темеш. Дар ал-Фанидан дар ал-Бақиға кушти. Алла Рахмат айласин. Амин.

Перевод: Разлука. 1950 года 3-марта скончался Умар сын Шаха в 49 лет. Из рода Темеш. Переселился из мира тленного в мир вечности. Да смилуется над ним Аллах! Амин!

Рис. 7. Фото Б.Д. Дюсенова. Некрополь Караоткел, г. Астана. Экспедиция 2025 г.

Рисунок 7. Инв. №11. Размеры: 177x40x10 см. Памятник из бетона, с округлым навершием, украшенным полумесяцем и звездой. Надпись на латинице с серьезными искажениями фонетики. Не вполне уверенно читается имя «Сайалых (?). Асхат Жусип улы». Указаны годы жизни: 1950–1960.

Итак, по результатам наших исследований, обычай возведения стел или плит над могилами усопших в форме традиционных *культасов*, с обязательным указанием имени покойного и его отца, рода, племени, года смерти, иногда и рождения (как в старинных эпитафиях) сохранился вплоть до 1980-х годов. В эпоху Независимости эта традиция постепенно возрождается. Согласно имеющейся у нас информации на сегодняшний день, мы можем утверждать, что памятники из бетона советского времени встречаются по всем регионам Казахстана. Однако металлические памятники с арабским шрифтом пока зафиксированы только в Акмолинском регионе. Следовательно, есть основания говорить, что местом изготовления мог быть только тогдашний Целиноград, особенно имея в виду сложность доставки, перевоза матриц и т.п. обстоятельства. По-видимому, мы имеем дело с налаженным производством группы (артели), работающей при некрополе Караоткель и заказывавшей металлические стелы и плиты кузнечным или иным цехам, которых было предостаточно при заводах по ремонту сельхозтехники.

Кроме того, судя по достаточно приличной каллиграфии почерков на изготовленных артелью металлических и некоторых бетонных стелах, бесспорно, что в этой группе состоял свой каллиграф, который был не только знатоком письма в арабском шрифте; он хорошо знал традицию составления текстов традиционных эпитафий, причем опираясь на прежние каноны.

Хотя одновременно новые образовательные коды социума повлияли на выбор шрифта и иногда языка (русского, в чеченских памятниках), которые использовались в эпитафии. На бетонных надгробиях мы часто видим либо сочетание двух шрифтов (при сохранении структуры эпитафии и религиозных формул), либо полный переход на кириллицу, при сохранении казахского языка.

Не стоит забывать, что текст в арабском шрифте к 1960-70 годам понимали единицы. Однако это не значит, что текст «не работал». Религиозное и ментальное благоговение к арабским письменам осталось, что подтверждается сотнями свидетельств наших сограждан, живших в то время.

По крайней мере, все эти наблюдения вновь подтверждают коммуникативную функцию надгробных текстов, которые должны были не просто зафиксировать имя и даты смерти усопшего, в том числе на понятном (новом) шрифте, но, во-первых, быть доступны для чтения (получения информации), во-вторых, ясно обозначить социальный (в первую очередь, родовой) статус усопшего.

Заключение. Целиноград советского времени воспринимался как символ интернациональности, смешения разных традиций и культурной унификации [Дадырова, Мухтарова, Омарова, 2020: 216]. На деле полной этнической и культурной унификации не случилось и не только в повседневности живых; на главном городском некрополе Караоткеле культурное и этническое разнообразие очевидно. Здесь выделились ряд секторов по конфессиональному и этническому признакам (древний и более поздний казахский/мусульманский, чеченский и др.).

Хотя ни обыденность живых, ни символы памяти над упокоившимися не были свободны от веяний эпох, от перемен в культурных и образовательных кодах потомков тех, кто погребен на этом некрополе и тех, кто заказывал им надгробные стелы. Перемены были очевидны уже тогда. Например, к 1960-м годам немногие могли прочесть эпитафию в арабском шрифте. И потому, появление кириллицы в эпитафиях не случайное явление. Текст на надгробии должен был читаться потомками, которые к этому времени имели свои образовательные коды. С точки зрения макро-исторических подходов можно говорить о гигантских культурных разломах или об эволюции образовательных кодов. Однако мы видим, что структура эпитафий (а значит их смысл и ментальное значение) сохранились, как и прежде оповещая читающего не только об имени усопшего и датах его жизни, но и о его роде, колене, иногда о профессии. Текст обязательно включал в себя религиозные формулы, иногда цитаты из Корана (с естественными ошибками), также поддерживая религиозный компонент идентичности как усопшего, так и его потомков.

В то же время не стоит забывать и о других составляющих коллективной памяти казахов, которые связаны с циклическими ритуалами и верованиями и о которых часто пишут этнологи. Речь идет об особом отношении к усопшим родственникам, поклонении и паломничестве к святыням и могилам предков, магические элементы практик поклонения и о других обычаях и практиках⁶.

Одновременно не стоит исключать влияние советских форм модернизации на сознание тех, кто решал установить стелы традиционных видов и главное украсить их текстами, которые ярко демонстрировали смешанные формы идентичности. Перестали ли они быть советскими гражданами, установив традиционное надгробие над прахом близкого человека с традиционным же текстом? Где лежат корни этого невольного (или обыденного) союза исторических традиций (социальной памяти) и ментальных изменений той эпохи?

Полноценных и однозначных ответов на подобные вопросы сейчас дать невозможно. Изученные нами надгробные стелы в той или иной мере могут стать надежным подспорьем в такого рода исследованиях, поскольку они преимущественно связаны с традиционным пониманием родовых связей, понятий о морали и благочестии. С другой стороны, едва ли верным будет искусственно вырывать социальных акторов советской эпохи из условий, в которых они жили. Окружающие реалии, формы всеобщего образования и другие факторы формировали у граждан рациональные формы социальной этики, которая, однако, не вытеснила приверженность к прежним обычаям, что в первую очередь проявлялось во время практик, связанных с похоронами, с установлением памятных стел над прахом своих предков, ритуалами, связанными с почитанием их памяти. Именно в этих ситуациях значительная часть общества выбирала традиционное понимание этики и обычаев «отцов и дедов», однако, сообразно идеологическим и новым ментальным нарративам и культурным вторжениям. Материально (или визуально) эта приверженность воплощалась в меняющихся или возрожденных моделях социальной памяти, в том числе, через сохраненные формы надгробий и смысла их надписей.

⁶ Адиб Халид назвал эти практики «прокси-религиозностью» [Khalid, 2007: 103].

Траектории пересечений и взаимодействий этих компонентов идентичности и социальной памяти в казахском обществе (как в социумах всей Центральной Азии) советского времени еще не исследованы в полной мере. Однако в нашем случае, парадоксы эпохи буквально отпечатались в упомянутых и похожих эпитафиях, демонстрирующих твердую (порой буквально железную!) приверженность своим национальным традициям, маркерам религиозности, ритуалам, но не отказываясь от реалий времени.

Литература

Ажигали, 1994 – *Ажигали С.* Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана (на основе исследования малых форм). Алматы: Ғылым, 1994. 260 с.

Ажигали, 2002 – *Ажигали С.Е.* Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ «Ғылым», 2002. 654 с.

Ажигали, 2014 – *Ажигали С.* Памятники Манкыстау и Устюрта: книга-альбом Алматы: Өнер, 2014. 504 с. (на каз., рус., англ.).

Головашина, 2022 – *Головашина О.В.* Места памяти: между метафорой и концептом // Социология власти. 2022. Т. 34. № 1. С. 18–38.

Дадырова, Мухтарова, Омарова, 2020 – *Дадырова А.А., Мухтарова Г.С., Омарова Ж.Н.* Онтология столицы Казахстана: квинтэссенция традиций и современности // Баландинские чтения. 2020. Т. XV. (DOI 10.24411/9999-001A-2020-10036).

Кошман, Хабдулина, Дукомбайев, 2022 – *Кошман Т.В., Хабдулина М.К., Дукомбайев А.Т.* Некрополь Караоткель: сакрально – религиозная функция кладбища // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева, 2022. Т. 139. №. 2. С. 76–95. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-76-95.

Мендикулов, 1956 – *Мендикулов М.М.* Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устюрта. Алма-Ата: Изд. АН Каз. ССР, 1956. 117 с.

Мендикулов, 1987 – *Мендикулов М.М.* Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата, Өнер, 1987. 160 с.

Муминов, 2018 – *Муминов А.* Сакральные семьи в Центральной Азии: между этничностью и религиозностью // Роше Софи (изд.) «Семья в Центральной Азии: новые перспективы изучения. Berlin, Klaus Schwarz Verlag, 2018. С. 130–137.

Орынбаева, 2025 – *Орынбаева Г.У.* Этнография Казахстана между притяжением «уходящего поля» и «колхозной» повесткой (2-я половина 40-х – 50-е гг. XX в.) // Отан тарихы. 2025. № 3. С. 732–748. [на русском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_3_732-748

Assmann, 2000 – *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: Verlag C.H. Beck, 2000. 344 p.

DeWeese, Devin, 1999 – *DeWeese, Devin.* « The Politics of Sacred Lineages in 19th-Century Central Asia: Descent Groups Linked to Khwaja Ahmad Yasavi in Shrine. Documents and Genealogical Charters » // International Journal of Middle East Studies. 1999. Vol. 31. No. 4. Pp. 507–530.

Khalid, Adeeb, 2007 – *Khalid, Adeeb.* Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 2007.

Ohayon, Isabelle, 2020 – *Ohayon, Isabelle.* The making of new Kazakh sacred places in Soviet Kazakhstan during the 1960s and the 1970s, In: Sacred Geography: Multi-Disciplinary Approaches in Space and Time. Nur-Sultan, Kazakhstan. 2020. Pp. 93–101.

Karbayeva, 2021 – *Karbayeva G.K.* The Muslim cemetery «Karaotkel» as the sacred geography object of Nur-Sultan // Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series. 2021. № 4(137). Pp. 141–154. (DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-137-4-141-154>)

Schmid, 1985 – *Schmid K.* Vorwort // Gedächtnis, das Gemeinschaft stiftet. München; Zürich, 1985. 125 p.

References

Ajigali, 1994 – *Ajigali S.* Genезis tradisionnoy pogrebalno-kultovoy arxitekturi Zapadnogo Kazaxstana (na osnove issledovaniyax malix form) [Genesis of traditional funerary and cult architecture of Western Kazakhstan (based on research of small forms)]. Almati: G‘ilim, 1994 [in Russian].

Ajigali, 2002 – *Ajigali S.E.* Arxitektura kochevnikov – fenomen istorii i kulturi Yevrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiyskogo regiona) [Nomadic architecture – a phenomenon of Eurasian history and culture (monuments of the Aral-Caspian region)]. Almati: NIS «G‘ilim», 2002 [in Russian].

Ajigali, 2014 – *Ajigali S.* Pamyatniki Mankistau i Ustyurta: kniga-albom [Monuments of Mankystau and Ustyurt: a book-album]. Almati: Oner, 2014 [in Russian].

Golovashina, 2022 – *Golovashina O.V.* Mesta pamyati: mejdu metaforoy i kontseptom [Places of Memory: Between Metaphor and Concept]. *Sotsiologiya vlasti*. 2022. T. 34. № 1. Pp. 18–38. [in Russian].

Dadyirova, Muhtarova, Omarova, 2020 – *Dadyirova A.A., Muhtarova G.S., Omarova J.N.* Ontologiya stolitsyi Kazahstana: kvintessentsiya traditsiy i sovremennosti [The Ontology of Kazakhstan's Capital: A Quintessence of Tradition and Modernity]. *Balandinskie chteniya*. 2020. T. XV. (DOI 10.24411/9999-001A-2020-10036). [in Russian].

Koshman, Habdulina, Dukombayev, 2022 – *Koshman T.V., Habdulina M.K., Dukombayev A.T.* Nekropol Karaotkel: sakralno – religioznaya funktsiya kladbisha [Karaotkel Necropolis: the sacred and religious function of the cemetery]. *Vestnik ENU im. L. Gumileva Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie*. 2022. T. 139. № 2. Pp. 76–95. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-76-95 [in Russian].

Mendikulov, 1956 – *Mendikulov M.M.* Pamyatniki arxitekturi poluostrova Mangishlaka i Zapadnogo Ustyurta [Architectural monuments of the Mangyshlak Peninsula and Western Ustyurt]. Alma-Ata: Izd. AN Kaz. SSR, 1956 [in Russian].

Mendikulov, 1987 – *Mendikulov M.M.* Pamyatniki narodnogo zodchestva Zapadnogo Kazaxstana [Folk architecture monuments of Western Kazakhstan]. Alma-Ata, Oner, 1987 [in Russian].

Muminov, 2018 – *Muminov A.* Sakralnyie semi v Tsentralnoy Azii: mejdu etnichnostyu i religioznostyu [Sacred Families in Central Asia: Between Ethnicity and Religiosity]. Roshe Sofi (izd.) «Semya v Tsentralnoy Azii: novyye perspektivy izucheniya. Berlin, Klaus Schwarz Verlag, 2018. Pp. 130–137. [in Russian]

Orynbaeva, 2025 – *Orynbaeva G.U.* Etnografia Kazahstana mejdu pritajeniem «uhodäsego polä» i «kolhoznoi» povestkoi (2-ia polovina 40-h – 50-e gg. XX v.) [Этнография Казахстана между притяжением «уходящего поля» и «колхозной» повесткой (2-я половина 40-х – 50-е гг. XX в.)]. *Otan tarihy*. 2025. № 3. Pp. 732–748 [na ruskom]. DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_3_732-748 [in Russian].

Assmann, 2000 – *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen [Cultural memory: Writing, remembrance, and political identity in early civilizations]. München: Verlag C.H. Beck, 2000. 344 p. [in German].

DeWeese, 1999 – *DeWeese, Devin* « The Politics of Sacred Lineages in 19th-Century Central Asia: Descent Groups Linked to Khwaja Ahmad Yasavi in Shrine. Documents and Genealogical Charters », *International Journal of Middle East Studies*. 1999. Vol. 31. No. 4. Pp. 507–530.

Khalid, 2007 – *Khalid, Adeeb.* Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 2007.

Ohayon, 2020 – *Ohayon, Isabelle.* The making of new Kazakh sacred places in Soviet Kazakhstan during the 1960s and the 1970s, In: *Sacred Geography: Multi-Disciplinary Approaches in Space and Time*. Nur-Sultan, Kazakhstan. 2020. Pp. 93–101.

Karbayeva, 2021 – *Karbayeva G.K.* The Muslim cemetery «Karaotkel» as the sacred geography object of Nur-Sultan. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series*. 2021. № 4(137). Pp. 141–154. (DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-137-4-141-154>).

Schmid, 1985 – *Schmid K.* Vorwort. Gedächtnis, das Gemeinschaft stiftet. München [Forewor to “Memory that fosters community”]; Zürich, 1985. 125 p. [in German].

МАЗМУНЫ/СОДЕРЖАНИЕ/CONTENT
 ОТАН ТАРИХЫ. 2026. Т. 29. № 2

Мамытова С.Н. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В 1930–1940-Е ГОДЫ.....	429
Ахметжан К.С. ТИПОЛОГИЯ ТРАДИЦИОННЫХ НАВЕРШИЙ КАЗАХСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ И ВОЕННЫХ ЗНАМЕН.....	447
Бабаджанов Б.М., Нурманова А.Ш. «ЖЕЛЕЗНАЯ ПАМЯТЬ» ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ»: КАЗАХСКИЕ НАДГРОБИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ КАК МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ.....	473
Yergali S.A., Kolukisa H., Shaldarbekova A.B. THE INSTITUTION OF «ZHETI ATA» IN KAZAKH SOCIETY AS A MECHANISM OF SOCIAL REGULATION AND KINSHIP ORGANIZATION.....	488
Toraigyrov Ye.M. TOPICAL ISSUES OF THE IRTYSH TEN-VERST STRIP IN THE WORKS OF MODERN TIMES.....	502
Абуов Н.А., Картова З.К., Алимжанов А.Х. УСЛОВИЯ ПРЕБЫВАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ.....	516
Әуелбеков М.Б., Бахар Х. XII–XV ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ УРБАНИЗАЦИЯ ҮДЕРІСІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТАРИХИ МАҢЫЗЫ.....	533
Черниенко Д.А. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ Х.А. АРГЫНБАЕВА В ПИСЬМАХ ЕГО КОЛЛЕГ-ЭТНОГРАФОВ.....	548
Iskakova G.Z., Assylbekova A.Z. SHAKARIM KUDAIBERDIULY AND KAZAKH NATIONAL MEMORY.....	564
Құндызбай Д.Қ., Кенжебаев Ғ.Қ. ҚАЗАҚТАРДЫҢ ЖЕТІСУ Өңірінен Қытайға босқыншылығы (XX ғ. 30 жж.).....	576
Конкабаева Н.Н., Абдрахманова К.Х. О ТРАКТОВКЕ ЛЕКСЕМ «ТЕНГРИ», «УМАЙ» В КОНТЕКСТЕ ВЕРОВАНИЙ МАМЛЮКОВ-КЫПЧАКОВ В XI–XIV ВЕКАХ.....	590

Сулейменова А.Т. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ПАРТИЯЛЫҚ БАҚЫЛАУ ОРГАНДАРЫНЫҢ 1920–1930-ЖЫЛДАРДАҒЫ «ПАРТИЯЛЫҚ ТАЗАЛАУЛАР» КЕЗІНДЕГІ ҚЫЗМЕТІ.....	602
Молотова Г.М. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ОСНОВЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XII–XIII ВЕКОВ).....	619
Мейрманова Г.А., Бейсегулова А.Қ., Алдекен А.С. ҚАЛЫҢМАЛ – ҚАЗАҚ ҚОҒАМЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ИНСТИТУТ: ТАРИХЫ МЕН ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ.....	629
Алимбай Н. ОДЕЖДА КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ (XVIII – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ).....	642
Бахтыбаев М.М., Қожя М.Б., Сиздиқов Б.С. ГОРОДИЩЕ СЫГАНАК: ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО АНАЛИЗА.....	695
Шынтаев Н.А., Мусабалина Г.Т., Джолдыбаев Ж.Т. ШЫМКЕНТ ҚАЛАСЫ ТҮРҒЫНДАРЫНЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІ: ПОСТКЕҢЕСТІК КЕЗЕҢДЕГІ ӘЛЕУМЕТТІК- ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ӨЗГЕРІСТЕР (1991–2023 ЖЖ).....	713
Шашаева М.А. ЖАЗЫҚСЫЗ ЖАЗАЛАНҒАНДАР: «ОТАН САТҚЫНДАРЫНЫҢ ОТБАСЫ МҮШЕЛЕРІ ТУРАЛЫ» ЗАҢЫНЫҢ ӘЙЕЛДЕР ТАҒДЫРЫНА ТИГІЗГЕН АУЫР ӘСЕРІ.....	724
Шолахов М.Г., Габдусалимова М.Г. АНАЛИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОБ ЕДИГЕ.....	735
Есен С.Ғ. МӘЛЕНБЕРЛІ ҚОРЫМЫ: ЭТНОАРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ.....	755
Жетібаев К.М., Қожя М.Б., Әлімбекұлы Ә. ҚҰЙРЫҚТӨБЕ (КЕДЕР) ҚАЛАСЫНЫҢ РАБАД АУМАҒЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР.....	764
Муратбаева А.Б. ҚАРАҚАЛПАҚСТАНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ МӘДЕНИ ОРТАЛЫҒЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ МЕН ҚЫЗМЕТІ: ТАРИХИ-МӘДЕНИ АСПЕКТ.....	777

- Оспанова Д.К., Тебаев Д.Б., Мағауянов Д.А.**
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ҮКІМЕТТІК ЕМЕС
ҰЙЫМДАРДЫҢ 1991–2011 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ
ДАМУ ТАРИХЫНЫҢ КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ.....787
- Қуанбай О.Б. Мурзаходжаев Қ.М.**
ЖАПОНИЯ МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ
ДАМУ ҮРДІСТЕРІ БАҚ БЕТТЕРІ НЕГІЗІНДЕ (1990–2025).....805
- Алибек С.Н., Қудайбергенова А.И., Тажмуханова Н.Е.**
РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА В ПЕРИОД
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И РАСКУЛАЧИВАНИЯ КАК
ТРАГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ГОРОДА ЧИМКЕНТА И ТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....817
- Жүсінов Р.Б., Нұрышева Г.К.**
1920–1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚОСТАНАЙ ӨңІРІНДЕГІ
ДІНИ БІРЛЕСТІКТЕРГЕ ҚАТЫСТЫ КЕҢЕС ӨКІМЕТІНІҢ
САЯСАТЫ (АРХИВ ДЕРЕКТЕРІ НЕГІЗІНДЕ).....833
- Қозыбаева М.М., Жалмағамбетов Е.Ә.**
КЕҢЕСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АЗАМАТТЫҚ
ҚҰҚЫҚТАРДАН АЙЫРУ ТӘЖІРИБЕСІ: «АЙЫРЫЛҒАНДАР»
МЕН «ҚҰҚЫҚСЫЗДАР» КАТЕГОРИЯЛАРЫ.....851
- Хазретәліқызы Р., Тұрсұн Х.М., Сайлаубай Е.Е.**
МІРӘЛШЕР СЕРАЛИЕВТІҢ ҚОҒАМДЫҚ-САЯСИ
ҚЫЗМЕТІ МЕН МҰСТАФА ШОҚАЙМЕН
БАЙЛАНЫСЫ АРХИВТІК-ТЕРГЕУ МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ.....866
- Калыбекова М.Ч., Чакенова Б.А.**
КАЗАХИ-ВРАЧИ И ИХ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНЦЕ XIX И 30-Е ГОДЫ XX ВВ.878
- Рахбаев К.К., Избасарова Г.Б.**
ҚАЗАҚТЫҢ МЕШІТ САЛУ ДӘСТҮРІНІҢ ШЫҢЫРАУ КӨЗДЕРІ
(ОРТАҒАСЫРЛЫҚ МЕШІТТЕРДІҢ ЗЕРТТЕЛУІНЕ ШОЛУ).....890
- Нурпейсова Э.Т., Байдалы Р.Ж.**
ЕЛДЕС ОМАРОВТЫҢ ӨМІРІ МЕН ҚЫЗМЕТІНЕ ДЕРЕКТАНУЛЫҚ ТАЛДАУ.....915
- Alpysbes M.A., Arkhymatayeva A.Zh., Kara A.**
THE INFLUENCE OF THE NATIONAL IDEA ‘OYAN, QAZAQ!’
ON THE SOCIO-POLITICAL THOUGHT OF EASTERN COUNTRIES.....926
- Kochiyev E.R., Kabuldinov Z.E., Aydingün A.**
THEORIES OF DIASPORAL ETHNIC IDENTITY
IN CONTEMPORARY WESTERN HISTORIOGRAPHY (2000–2025).....939

Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты
Алматы қ., Шевченко көш., 28
Тел/факс: +7 727 261 67 19
e-mail: kazhistory@bk.ru
